

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 201–209.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 201–209.

Обзорная статья / Review article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-201-209

НАУЧНЫЙ ОНЛАЙН-ФОРУМ «ОТ ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ К ПРОЕКТУ МОДЕРНА: РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ»

Международная лаборатория русско-европейского интеллектуального
диалога НИУ ВШЭ, Москва и Технический университет Дрездена,
12 ноября 2021 года

Юлия Андреевна Агаркова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
y.agarkova@hse.ru

Аннотация. Статья представляет собой обзор докладов, прочитанных на международном научном онлайн-форуме «От проекта Просвещения к проекту Модерна: русско-немецкий интеллектуальный диалог», посвященном 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Бахтин, Камю, «Бесы», «Братья Карамазовы», «Записки из Мертвого дома», «Бобок», «Сон смешного человека»

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Агаркова Ю. А. Научный онлайн-форум «От проекта Просвещения к проекту Модерна: русско-немецкий интеллектуальный диалог».

ный диалог» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 201–209. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-201-209>.

Academic Life. Reviews

SCIENTIFIC ONLINE-FORUM
“FROM THE PROJECT OF ENLIGHTENMENT TO THE PROJECT OF MODERN:
RUSSIAN-GERMAN INTELLECTUAL DIALOGUE”

International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual
Dialogue of HSE University, Moscow and Technical University of Dresden,
12 November 2021

Yulia A. Agarkova

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, y.agarkova@hse.ru

Abstract. The article is a review of the reports read at the International scientific online forum “From the Enlightenment Project to the Modern Project: Russian-German Intellectual Dialogue”, dedicated to the 200th anniversary of the birth of F. M. Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky, Bakhtin, Camus, “Demons”, “The Brothers Karamazov”, “Notes from the House of the Dead”, “Bobok”, “Dream of a Ridiculous Man”

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Agarkova, Yu.A. (2022) ‘Scientific Online-forum “From the Project of Enlightenment to the Project of Modern: Russian-German Intellectual Dialogue”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(1), pp. 201–209. (In Russ.). [doi:10.17323/2658-5413-2022-5-1-201-209](https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-201-209).

200-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского, одного из самых масштабных писателей русской классической литературы, стало знаменательным событием для литературоведов всего мира. Научный онлайн-форум «От проекта Просвещения к проекту Модерна: русско-немецкий интеллектуальный диалог», проведенный Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ (Москва) совместно с Техническим университетом Дрездена, предоставил исследователям возможность вновь взглянуть на творчество великого русского писателя с неожиданных ракурсов и в ходе оживленной дискуссии проанализировать его не теряющие актуальности работы с точки зрения русской и немецкой культур.

С первым докладом “*Gescheiterte Existenzen? Marginale und marginalisierte Figuren in Dostoevskijs Werk*” («Неудачное существование? Маргинальные и маргинализованные герои в трудах Достоевского») выступил Райнер Гольдт (Майнц). Опираясь на теорию М. М. Бахтина о полифонии романов Достоевского, докладчик выдвинул гипотезу о том, что маргинализация в творчестве русского классика является важным композиционным приемом, нужным для построения иерархии персонажей. Гольдт детально проанализировал три основные стратегии маргинализации у Достоевского: реалистическое изображение героя, который из-за телесной или духовной стигмы не может быть полноценной частью общества; деконструкция определенных литературных мотивов и топосов; изображение прототипов центральных персонажей. На первый план в докладе вышли понятия «крах жизни» и «социальная потеряянность», свойственные многим (но в первую очередь маргинализованным) героям. Не случайно экзистенциалисты обращались к работам Достоевского (например, Камю анализирует образ Кириллова в эссе «Миф о Сизифе»), ведь крах в философии экзистенциализма рассматривался как радикальнейший и ценнейший опыт, который человек может получить в течение жизни.

Докладчик особо подчеркнул, что маргинальные и маргинализованные персонажи раннего Достоевского затем появляются в более поздних работах: так, некоторые внешние и внутренние черты арестанта Сироткина, с которым сближается рассказчик «Записок из Мертвого дома», а также горца Алея в дальнейшем легко узнаются в облике Алеши Карамазова («Братья Карамазовы»). Героев объединяет непохожесть на остальных, «светлая улыбка» в момент высочайшего душевного напряжения и надрыва, детскость, наивность и целомудренность.

В финале Гольдт опровергает выдвинутую в начале доклада гипотезу: в романах Достоевского нет иерархии героев, каждый из них, хоть и принадлежит к разным социальным слоям, играет одинаково важную роль: маргинальные

и неважные на первый взгляд герои, такие как пьяница Лебедев из романа «Идиот», часто выражают мысли и настроения самого автора.

Затем Кристоф Гарстка (Бохум) выступил с докладом на тему “Komische Väter. Der Typus des lächerlichen alten Mannes in Dostojewskijs Werk” («Комические отцы. Тип смешного старика в творчестве Достоевского»), в котором детально проанализировал комические и парадоксальные структуры в романах великого русского писателя. Гарстка отметил, что под «трагикомическим» в работах Достоевского понимается узкое риторическое значение «парадокс, оксюморон». Этот парадокс двухчастен по структуре: он может быть смысловым оксюмороном либо противоречием лишь внешним, которое при более глубоком анализе перестает являться таковым. Докладчик также подчеркнул, что трагикомическая природа должна пониматься как противоречие не с теоретической (жанровая теория), а с эстетической точки зрения: трагедия требует «вчувствования» зрителя, тогда как комедия подразумевает определенную дистанцию и безэмоциональность; в итоге жанр трагикомедии представляет собой синтез двух противоречащих друг другу частей. Обозначив важность и сложность трагикомических элементов в творчестве Достоевского, Гарстка проанализировал тип «комических отцов», встречающийся почти в каждом крупном тексте русского классика. Генерал Иволгин («Идиот»), Мармеладов («Преступление и наказание»), Верховенский-старший («Бесы»), несмотря на их различную роль в романах, представляют собой единый трагикомический литературный тип, восходящий к шекспировскому образу Фальстафа. Каждый из героев соткан из противоречий: Мармеладов сочетает в себе высокопарную манеру разговора и неопрятный внешний вид, достоинство генерала Иволгина противоречит его «износившейся и опустившейся» фигуре, а эклектичная речь Верховенского-старшего, в которой часто встречаются как русские, так и французские выражения, странным образом выделяется на фоне подаренного Варварой Петровной костюма, призванного подчеркнуть иллюзию творческого характера его хозяина. Иволгин, Мармеладов и Верховенский объединены также пристрастием к алкоголю и фантазийному миру: обращаясь к выдуманным историям, каждый из них стремится создать то, чего не существует в реальности.

Модель для вышеописанных «комических отцов» легко найти в ранних работах самого Достоевского. Так, Ефимов, герой повести «Неточка Незванова», внешним обликом, пристрастием к алкоголю и мечтательностью как формой самообмана напоминает Иволгина, Мармеладова и Верховенского. Однако сходство проявляется также и в том, что именно в «Неточке Незвановой» Достоевский выбирает форму, которую в более поздних романах будет использовать при описании трагикомической фигуры «старика»: характеристика

«комическому отцу» всегда будет дана от третьего лица (если же будет происходить переключение в первое лицо, то рассказчик автоматически становится ненадежным). Ефимов первым задает парадокс чрезмерного переоценивания своих возможностей, дальнейшего побега в мир фантазии как способа избежать ужасной реальности и перекладывания ответственности на условия среды, который будет актуальным для всех «комических отцов». Такой литературный тип ищет опоры и подтверждения статуса у внешнего мира и, не получая его, превращает свое существование в фантом. Именно из-за совмещения в «комических отцах» черт трагического и комического читатель не достигает катарсиса: катарсис, согласно Аристотелю, вызывается при помощи сострадания и страха, тогда как Ефимов и его литературные преемники возбуждают скорее сожаление и отвращение.

Далее с докладом «Первый немецкоязычный сборник трудов Достоевского и политизация литературы» (“Die erste deutschsprachige Gesamtausgabe der Werke F. M. Dostoevskijs und die Politisierung der Weltliteratur”) выступил Д. М. Фард (Дрезден), в котором детально рассмотрел деятельность Артура Мёллера ван ден Брука — переводчика работ русского классика на немецкий язык. Немецкая публика перед началом Первой мировой войны знала о Достоевском немного, и опубликованные «Бесы» сразу же привлекли к себе внимание. Роман пользовался популярностью и тиражировался большим количеством экземпляров, что было показателем необычайного успеха для иностранного автора в консервативной Германии.

Особое внимание докладчик сконцентрировал на особенностях перевода при обсуждении острых тем, которые представляли наибольший интерес для немецкоязычных читателей в романах Достоевского: изображение немцев и русских, положение женщин, статистика, религия и политика, культурный кризис ввиду исторических событий (изображение русской революции в «Бесах»). Так, например, фраза князя Мышкина во время первого знакомства с семьей Епанчиных «я туда с Шнейдером ездил, он меня брал» в немецком переводе получает дополнительную социальную характеристику: “*Mein Arzt, Professor Schneider, hatte mich dorthin mitgenommen*”. Описание Блюма в романе «Бесы» как «ничтожного лица» и «несчастливого немца» в немецкоязычном переводе отсутствует вовсе. В некоторых отклонениях от текста явно видны политические намерения переводчика: например, прибавление негативной оценки цыган и евреев, которой в оригинальном тексте Достоевского не было. Такие изменения, отмечает докладчик, связаны с интенцией увлеченного своей переводческой и издательской деятельностью Мёллера: для него литература становилась политическим оружием; неудивительно, что Геббельс в

дальнейшем читал работы Мёллера и давал им крайне высокую оценку. В финале доклада Фард проанализировал сложные взаимоотношения Гитлера и Мёллера.

В следующем докладе “Dostoevskij in Dresden. Eine Schülerexkursion im Fach Russisch” («Достоевский в Дрездене. Экскурсия для учеников в рамках предмета “Русский язык”») Артем Шмидт (Дрезден) показал, как с помощью экскурсий можно познакомить учеников 10-го класса гимназии с фигурой великого русского классика. Именно такая необычная форма преподавания, как экскурсия, позволяет применить язык в разнообразных жизненных ситуациях и перенести изучение дисциплины из сухо-дидактической атмосферы класса в совершенно другое место. В ходе экскурсии ученики смогли не только глубже осмыслить творчество Достоевского, но и увидеть исторические связи России и Германии. Экскурсия дополнялась фотографиями, видеорядами и отрывками из дневников Достоевского и его жены, которые были доступны для учеников на электронной платформе.

Докладчик отметил, что дрезденский мир Достоевского географически охватывал большое пространство, крайними точками которого являлись Цвингер, Большой сад, Японский дворец, Главный вокзал, Брюлева терраса и вокзал Дрезден-Нойштадт. Каждая вышеупомянутая точка связана со значительными событиями в жизни русского писателя. Дрезден также важен для углубленного понимания творчества Достоевского: проживая в этом городе, русский классик написал часть романа «Бесы», статью о Белинском и повесть «Вечный муж».

Далее с докладом “Sophie und Fedor. Dostoevskij und die Weiße Rose” («Софи и Федор. Достоевский и Белая роза») выступил профессор Хольгер Куссе (Дрезден). В начале выступления докладчик заметил, что в 2021 году мы отмечаем не только двухсотлетний юбилей Достоевского, но и столетие со дня рождения Софи Шолль — студентки философского факультета и участницы известной антинацистской группы «Белая роза». Помимо политической ангажированности, участников «Белой розы» объединяла любовь к Достоевскому; в «Русском дневнике» Ганс Шолль, брат Софи, описывал русского писателя как человека, который «был втянут в ад, <...> смотрел в темноту и видел, потому что его глаз не был ослеплен ложным солнцем», что позволило ему «найти путь к Богу». Влияние Достоевского чувствуется и в листовках, выпускаемых «Белой розой»: используемый участниками движения тезис о том, что немец в борьбе с фашизмом должен ощущать свое «соучастие» остальным, очень похож на мысли старца Зосимы о вине каждого человека перед всеми. «Белая роза» — невероятно сильный жест немецкой культуры, духовное противостояние фашизму.

В докладе «Жизнь после казни, или “Записки из Мертвого дома”» В. К. Кантор (Москва) осветил одну из значительных проблем творчества Достоевского — «жизнь в смерти», явление временной смерти — связанную с судом над петрашевцами, самим писателем превращенную в предмет глубокой рефлексии. Не только Достоевский рассуждал на тему жизни в смерти; это скорее общий литературный процесс, поддержанный Н. В. Гоголем, Н. Г. Чернышевским и другими писателями. Сквозь такого рода тексты Россия пыталась обрести самосознание и в процессе становления своей идентичности оказалась погруженной во мрак смерти: в атмосфере абсолютизма невозможно было дышать. Именно поэтому проблема соединения жизни и смерти оказывается столь актуальной для Достоевского. Так, в рассказе «Бобок» описывается фантастическим образом остановленное мгновение — жизнь и разговоры мертвых после смерти. При этом «великий грешник», как называл себя сам Достоевский, безошибочно сумел уловить главную проблему мертвых-живых: умершее тело, погрязшее в грехах, не дает свободу душе. Скованность пошлым и мирским отражено в словесном разврате, в отсутствии стыдливости у героев «Бобка». Докладчик особо подчеркнул, что создавая «Мертвый дом» и «Бобок», Достоевский описывал в первую очередь состояние современной России: николаевское правление, по меткому выражению А. И. Герцена, было «моровой полосой», в которой люди были нравственно ближе к смерти, чем к жизни. В финале доклада Кантор приходит к выводу, что «Бобок» — страшный символ человеческого бытия в России.

Продолжая тему политико-исторического содержания в творчестве русского классика, М. С. Киселева (Москва) в докладе «Проблема различения добра и зла в “Сне смешного человека” Ф. М. Достоевского» подчеркивает двойственность отношения Достоевского к судьбе России. Она выражается сразу на нескольких уровнях: апрельский выпуск «Дневника писателя» за 1877 год демонстрирует соединение публицистики и художественной формы (первая часть — обсуждение манифеста о начале Русско-турецкой войны, вторая — «Сон смешного человека»). Достоевский считал, что роль России в напряженной ситуации балканского кризиса будет освободительной, несущей добро славянским народам, страдающим под гнетом турок.

Главный смысл Русско-турецкой войны для писателя заключался в том, что у России благодаря острой внешнеполитической обстановке появляется шанс решить внутренние проблемы на уровне оказания жертвенной помощи народам-братьям. Однако «воскрешение» России не было процессом, свойственным лишь ей одной, — империя должна была инициировать обновление всей Европы. Свою задачу писатель видел в проповедовании судьбоносного

назначения этого шага. При этом в первой, публицистической, части «Дневника писателя» Достоевский много внимания уделяет социологическим типологиям, рассуждая о войне ради священных (спасение угнетаемых народов) и бранных (обогащение) целей, о либералах, которые не могут поверить в «самостоятельность народа русского», и интеллигенции, смеющейся над народом. Такое разделение приводит к дихотомии «свой — чужой», которая, в свою очередь, влияет на язык: чужой язык не способен решить актуальные для России проблемы, он — зло.

Проблема добра и зла, помимо этнонационального прочтения, должна быть также проанализирована с точки зрения морали, что является одним из главных смысловых центров рассказа «Сон смешного человека». Докладчик уделила особое внимание конструкции языка в тексте: в обеих частях наблюдается двусубъектная конструкция (в первой — мы-они, во второй — я-они), время первой части объединяет настоящее и ближайшее будущее, тогда как во второй части время построено обратным способом, объединяя настоящее и прошлое. При этом герой в процессе саморефлексии приходит к убеждению «везде всё равно» и к вытекающему из этого полному уничтожению времени. 3 ноября становится для персонажа ключевой датой — это решение о самоубийстве и попытка найти границу между жизнью и смертью. Сон в понимании дихотомии жизнь — смерть приобретает особое значение как переход из мира живых в мир мертвых, в результате чего герой обретает истину. Истина тесно переплетена с моральными проблемами рассказа: «ужасная правда» заключается в том, что своими поступками герой разрушил рай на земле и дал толчок появлению новой жизни — жизни во зле и преступлении, в основу которой был положен критерий научного знания. С помощью саморефлексии героя Достоевский снова возвращается к проблеме преступления и наказания: что делать, если преступление смешного человека есть, а наказания за него нет? Из этой, казалось бы, нерешаемой проблемы персонаж находит единственный выход — проповедь о любви к ближнему. Однако над верой героя в возможность жизни без зла смеются, а сам он не знает, как «устроить рай», и испытывает сложности при словесной передаче опыта видения, что заставляет читателя сомневаться в исполнении его желания проповедовать. Проблема осуществления проповеди осложняется также и тем, что смешной человек хочет бороться за жизнь и счастье, руководствуясь только чувством и личным выбором и не вспоминая о первой и главной заповеди — любви к Богу.

В финале научного форума, во время круглого стола участники обсудили, какое значение имела для Достоевского проблема страдания, стоящая в центре его творчества, в какой мере страдание спасительно и всякое ли страда-

ние вознаграждается. Подводя итог научному форуму, докладчики еще раз подчеркнули сложность противоречивого творчества Достоевского, глубина личности которого позволяет постоянно открывать в гении русского писателя всё новые и новые грани.

Информация об авторе: Ю. А. Агаркова — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Yu. A. Agarkova — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2021;
принята к публикации 05.02.2022.

The article was submitted 25.12.2021;
accepted for publication 05.02.2022.